

и общественными организациями серьезным препятствием для узропации политической власти, использования ее в личных интересах.

- Местное самоуправление является хорошей школой приобщения населения к современным демократическим ценностям, воспитывающее чувство ответственности и гражданственности.

- Действуя в интересах общества органы местного самоуправления, большое внимание прежде всего обязаны уделять социальным, экономическим, культурным и экологическим проблемам.

Не идеализируя роли местного самоуправления и признавая вместе с тем координирующую и направляющую функцию центральной государственной власти, заметим, что именно от степени их взаимодействия во многом зависит успех преобразований проводимых в российском государстве и обществе. Органы местного самоуправления должны служить активным помощником в деле построения правового государства в Российской Федерации.

Ю. В. Сочнев – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства НИУ ВШЭ – Нижний Новгород

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВСКИХ ВЛАСТЕЙ В НИЖЕГОРОДСКОМ ПОВОЛЖЬЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Исторический процесс формирования единого русского государства, возглавляемого Москвой, а затем его трансформация в централизованные формы достаточно хорошо изучены как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Вопросы, связанные с формированием права Московского государства средневекового периода, также привлекали внимание ученых. Исследователи предметно изучили дошедшие до нас Уставные, а также Губные и Земские грамоты, ряд канонических и правовых памятников местного значения, достаточно детально выяснили стадиальные особенности подготовки и принятия первых общерусских Судебников 1497 и 1550 гг., в которых отразилось начало процесса систематизации и кодификации права единого Российского государства.

События, разворачивавшиеся в этот период на Нижегородской земле, как правило, учеными не затрагивались, что связано со слабой сохранностью исторических и правовых источников, иллюстрирующих ее развитие. Казалось бы, проблема, вынесенная в заголовок данной статьи, не может быть полномасштабно раскрыта в связи с недостатком источников и исторической информации. Такое мнение справедливо, но лишь отчасти. Внимательное знакомство с корпусом источников по истории Нижегородского княжества и края за период XIV–XV вв. позволяет обнаружить некоторый, пусть и не столь обширный, как по другим княжествам и землям, правовой материал. Речь идет об актах различного характера, выданных представителями московских властей местным монастырям, среди которых наибольшее значение для выяснения обозначенной темы имеют акты нижегородского Спасо-Благовещенского монастыря.

Суздальско-Нижегородское княжество окончательно сформировалось в 1341 г., став четвертым Великим княжеством в Северо-Восточной Руси¹. С этого времени нижегородские князья были последовательными противниками и конкурентами московских властителей в борьбе за политическое первенство, подтверждавшееся обладанием титулом великого владимирского князя. Утрата в 1392 г. суверенитета Нижегородскими территориями и включение их в состав Великого Владимирского княжения было первым большим успехом политики московских князей по собиранию русских земель под своей рукой². После этой победы, одержанной преимущественно политико-дипломатическими методами, начинается длительный, не всегда прямолинейный и однозначный процесс интеграции обретенных территорий в формирующуюся систему Московской государственности. В его ходе разрабатывались и опробовались методы государственно-правового управления, которые затем более масштабно стали применяться уже в едином Московском государстве, созданном Иваном III и его потомками. Обеспечение управляемости Нижегородским Поволжьем в конце XIV–XV вв. было непростой задачей, поскольку большой в территориальном отношении край, граничивший на востоке и юго-востоке с ордынскими территориями, был также полигэтническим и многоконфессиональным. Это обстоятельство позволяло потомкам последних нижегородских князей, особенно в условиях «последней феодальной войны» первой четверти XV в., в течение нескольких десятилетий порой довольно успешно вести борьбу за возврат «отчего» стола. И хотя политическое первенство московские власти в целом умело удерживали, действовать на новых территориях только военно-политическими методами было невозможно. Логика объединительного процесса требовала не только подавления противников и обеспечения внешней безопасности, но и поддержания в долговременной перспективе стабильности повседневной жизни, урегулирования конфликтов и разнообразных гражданско-правовых отношений. Оуществить все это, не применяя правовые методы, ни в одной стране ни в какие исторические эпохи не удавалось.

¹ Насонов А.Н. Монголы и Русь. – М.; Л., 1940. С. 97–98; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – М., 1984. – С. 217–218.

² См.; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. – С. 230–231.

Объединение русских земель, создание централизованного государства настоятельно требовало законодательной регламентации, закрепления в нормативных актах крепущего единства страны, прав и преимуществ московской велиокняжеской администрации над органами власти и управления вновь присоединенных территорий. Эта тенденция на обеспечение верховенства Москвы прежде всего отразилась в актах, касающихся суда и судопроизводства. В этом развитие Московского государства было сходно с историей, например, Англии периода Генриха II и Франции во времена Людовика IX.

О том, что в Москве отчетливо понимали политическое и практическое значение полновластия велиокняжеской администрации в осуществлении судебных функций на всей территории формирующегося Московского государства, свидетельствуют уставные грамоты наместнического управления, например широко известные Двинская и Белозерская, относящиеся как раз к рассматриваемому периоду³. К сожалению, подтвердить этот тезис обширными примерами из истории московской политики в Нижегородском крае не удается. Трудно определенно утверждать, что стало причиной такой ситуации – «хрупкость» исторических источников, легко исчезающих в бурных водоворотах истории, или стадиальные особенности московской правовой политики, не достигшей еще практически значимых результатов в разработке соответствующих правовых актов. Ранняя утрата суверенитета Нижегородским княжеством, обернувшаяся для исследователей источниковедческими проблемами, в совокупности с общей направленностью российской дореволюционной и советской историографии на выяснение в русской истории именно московоцентристских процессов обусловили неизученность проблемы, которую мы пытаемся обозначить в данной статье. Появление за последние десятилетия отдельных исторических работ по рассматриваемому периоду принципиально не меняет ситуацию⁴.

В отличие от присоединения других территорий Северо-Восточной Руси реализация планов Москвы по установлению контроля

³ См.: Российское законодательство X–XX веков. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 2. – М., 1985. – С. 191–206.

⁴ См., например: Чеченков П.В. Нижегородский край в конце XIV – третьей четверти XVI в.: внутреннее устройство и система управления. – Нижний Новгород, 2004.

над Нижегородским Поволжьем весьма сильно зависела от ситуации в Орде, а также имела в качестве самостоятельной составляющей борьбу и в церковно-иерархической сфере, о чем нам уже доводилось писать⁵. Дополнительные преимущества в борьбе за Нижегородские земли московским князьям обеспечивало их вхождение в состав епархии русского митрополита, имевшего, как известно, с 1326 г. резиденцию в Москве, кроме того, значимым опорным пунктом московской политики на территории соперника являлся нижегородский Спасо-Благовещенский монастырь. С самого своего возникновения в кон. 50-х – начале 60-х гг. XIV в. в предместье Нижнего Новгорода эта обитель относилась к числу домовых митрополичьих монастырей. Чтобы понять специфику положения монастыря в средневековье в нашем крае, нужно сделать небольшое пояснение.

Вопреки широко распространенному мнению русские монастыри в этот период отнюдь не все подчинялись главе церкви. Статус монастыря и его подчиненность зависели от внутренней организации его жизни, определяемой церковным уставом, от того, кто создавал этот монастырь и обеспечивал его материально. Именно создатель монастыря определял, какие формы отношений собственности и землевладения будут реализовываться в его хозяйственной деятельности. В соответствии с традицией, опирающейся на канонические нормы еще византийской церкви и древнерусских княжеских уставов, представители верховной и удельной княжеской власти давали монастырям значительные налоговые, торговые и прочие льготы. Все это в условиях феодально-разобщенного характера земельной собственности способствовало превращению монастырей в богатые и влиятельные хозяйственные корпорации, которые в делах духовных слабо зависели от епархиальных церковных властей.

Особую категорию составляли домовые митрополичьи монастыри, входившие в систему хозяйственного обеспечения непосредственно кафедры главы Русской церкви. Эти церковные структуры во всем подчинялись московскому митрополиту как верховному собственнику

⁵ См.: Сочнев Ю.В. Обзор истории церковного управления в Суздальско-Нижегородском княжестве в XIV в. // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. – Н. Новгород, 2003. – С. 172–185; Сочнев Ю.В. Очерки по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского края средневекового периода. – Нижний Новгород, 2012. – С. 48–73.

и создателю монастыря: в организационно-иерархических отношениях, в выборе устава и определении внутренней структуры и, самое главное, в хозяйственном отношении. Такое положение дел придавало созданному митрополитом Алексием в середине XIV в. Спасо-Благовещенскому монастырю большое значение и особый статус в Нижегородском княжестве. Наличие такой влиятельной структуры, подконтрольной Москве, было существенным подспорьем в реализации ее политических задач не только в период самостоятельности Нижегородского княжества, но и после падения его независимости. И неслучайно, что сведения о правовой политике московской великокняжеской власти обнаруживаются именно в документах, связанных с деятельностью этого монастыря.

В этом плане наиболее интересна жалованная грамота, льготная и несудимая, великого князя Василия Дмитриевича архимандриту митрополичьего нижегородского Благовещенского монастыря Малахию на Курмышские и Лысковские пустоши, датируемая 20 февраля 1423 г.⁶

В первой части грамоты устанавливается привилегированный статус монастырских вотчинных земель в Курмышской и Лысковской волостях бывшего Нижегородского княжества, а в момент выдачи грамоты – уже части великого княжения Владимирского, являвшегося «отчиной» московского князя Василия Дмитриевича. В соответствии с общепринятым в то время практикой крестьяне, жившие на монастырских землях, были освобождены от уплаты ряда налогов и пошлин в великокняжескую казну, а также устанавливался судебный иммунитет монастырских людей. Они становились неподсудными представителям местной княжеской администрации, кроме дел о «душегубстве» и «разбоя с поличным», и не должны были их содержать, а рассматриваемый документ должен был служить гарантией от произвола последних. Право суда над монастырскими крестьянами закреплялось за архимандритом, за исключением дел, где спорящими сторонами являлись монастырские люди и жители княжеских волостей или города. В последнем случае суд осуществлялся совместно представителями монастырской и княжеской администрации, а судебные пошлины подлежали разделу пополам. Такое положение дел было типичным для феодальной эпохи, когда развитие вотчинного землевладения

⁶ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков (АФЗХ). Ч. 1. – М., 1951, – С. 202–203.

сопровождалось и распространением судебного иммунитета землевладельца. Лишь в норме о разборе наиболее тяжких преступлений и совместном суде заметна политико-правовая позиция, направленная на укрепление верховного суверенитета московского великого князя. Рассмотренные порядки были наследием еще удельного периода и вряд ли были порождением новой централизаторской политики, хотя некоторые его черты объективно и отвечали ей.

Для изучения заявленных аспектов московской политики более важна заключительная часть грамоты, где отразились нормы процессуального права: «А у кого учинится какова гибель и кто пригонит какой след на монастырские земли Спасские к кому на чью землю, и государь тое земли обрез у него возьмет да следом ведет, а не сведет следу с своеи земли, и гибелщик у него обыщет двор и поимает, а не вымет поличного, ино у него гибель пропала, а тому государю гибели не платить, у кого ся след утеряет. А кого позовут на след, а он на след не пойдет или обреза не возмет, и тому та гибель платить»⁷. Приведенная часть грамоты великого князя Василия Дмитриевича утверждает определенную процедуру досудебного разбирательства дела, в случае если следы вора приведут на монастырскую землю. Практическая цель включения данных норм в жалованную грамоту вполне понятна. Великокняжеской власти было важно закрепить статус и защитить хозяйственные интересы нужного ей монастыря, за которым символически угадывалась фигура московского князя.

Необходимость таких действий становится вполне очевидной, если вспомнить, что монастырские владения, которым предоставляются привилегии, находятся в приграничной контактной зоне. На этих территориях сохранялись высокие риски для развития хозяйственной деятельности из-за продолжающегося противоборства с потомками суздальско-нижегородских князей, а также в силу отдаленности этого многонационального края от центральных территорий Северо-Восточной Руси. Несмотря на давнее заселения этого края русскими, славянское население здесь, как показывают недавние археологические исследования, не было преобладающим. Основным регулятором отношений здесь по-прежнему выступали нормы, закрепленные обычаем. Правовой обычай, как показывает опыт истории, несмотря на ряд его

достоинств, был малопригоден для того, чтобы служить основой новых политico-правовых и социально-экономических отношений, развивающихся в связи с процессом объединения и централизации русских земель. Слабая фиксация и разнородность обычая, особенно ощущимая в условиях присутствия значительного количества финно-угорского населения, не имевшего самостоятельного исторического опыта развития в условиях государственности, была большой помехой в реализации планов Москвы. Нормы закона в понимании правовых особенностей эпохи того времени были гораздо более эффективны для этого.

Закрепляемый вышеупомянутой грамотой процессуальный институт, иногда именуемый специалистами «гонение следа», возник в XII в. и был зафиксирован нормами Пространной Русской правды⁸. Процедура преследования или розыска вора по следу, применяемая на пограничье Нижегородской земли, конечно же, не была тождественна той, что была предусмотрена в ст. 77 древнерусского кодекса. Ее описание изложено явно в сокращенном варианте, но все же вполне понятно.

Грамота князя Василия Дмитриевича устанавливает пределы ответственности членов крестьянской общины и индивидуальных двоюродохозяев, живущих на монастырской земле, за преступление (кражу), совершенное неизвестным лицом на их территории. Вора следует искать по его следу. Если след ведет «на монастырские земли Спасские», то владелец земельного участка должен самостоятельно продолжить поиски и если след не уйдет с его земли, потерпевший имеет право обыскать его двор. В случае обнаружения похищенного у хозяина обыскиваемого двора он должен вернуть похищенную вещь и заплатить «гибель». Если ничего не будет обнаружено, поиски прекращаются и дело остается без разрешения. В этом случае подозреваемый владелец земельного участка и двора освобождался от уплаты «гибели», т. е. от каких-либо санкций. Если владелец участка, к которому привел след, или его представители не будут выяснять, куда ведет след, или откажутся это делать, они должны отвечать за кражу (платить гибель и возмещение ущерба потерпевшему). Процедура преследования по следу, по всей видимости, должна была вестись с участием сторонних людей, не принадлежавших к монастырю, являвшихся понятыми, чтобы исключить предвзятость ее результатов. Учитывая разнообразие

⁷ Там же. – С. 203.

⁸ Российское законодательство X–XX веков. Законодательство Древней Руси. Т. 1. – М., 1984. – С. 109.

правовых обычаях, порожденное полиэтничным составом населения края, многообразие вариантов в развитии реальных событий, можно утверждать, что анализируемые нормы обеспечивали объективность расследования. Это обстоятельство в непростых условиях того времени могло при разборе конфликтных ситуаций в определенной мере гарантировать соблюдение интересов монастыря. Пример утверждения этих норм грамотой великого князя свидетельствует об определенном развитии процессуального права, что было неразрывно связано с централизаторской политикой московской администрации.

Процессуальные нормы, зафиксированные в грамоте 1423 г. великого князя Василия Дмитриевича архимандриту митрополичьего нижегородского Благовещенского монастыря Малахии на Курмышские и Лысковские пустоши, отражали в специфической политico-правовой форме развитие процесса и одновременно способствовали ему, установления доминирующего положения Москвы как центра формирующегося государства. Рассмотренной отрывок дошедшей до нас грамоты свидетельствует о практическом осуществлении специфической правовой политики в Нижегородском крае уже на начальных этапах формирования единого Русского государства, проявившейся более результативно и масштабно во второй половине XV–XVI вв.

Как источник права грамота 1423 г. великого князя Василия Дмитриевича и содержащиеся в ней процессуальные нормы являются отражением начального этапа в истории кодификации русского права. Они являлись составной частью того законодательного материала, который в перспективе послужил основой для подготовки первого общерусского Судебника 1497 года.

Т. Л. Тенилова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства НИУ ВШЭ – Нижний Новгород

РОЛЬ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И НАРОДА

Взаимоотношения власти и народа анализируются с самых различных точек зрения, при этом с каждым разом выделяются все новые и новые грани. Данная проблема может быть рассмотрена и через призму пространства и времени, в первую очередь исходя из особенностей нахождения данных отношений в рамках определенного правового пространства в конкретный исторический период.

В большинстве случаев взаимоотношения между народом и властью выстраиваются и протекают на правовом пространстве какого-либо государства. При этом не всегда они касаются исключительно отношений общества и государства в целом. Такие отношения, исходя из специфики сферы действия, могут возникать между населением и властью субъекта Федерации в федеративных государствах, населением и общественной властью, представителями администрации организаций и их сотрудниками. Помимо таковых могут быть выделены отношения между властью одного государства и народом другой страны в случае протектората, аннексии, оккупационных действий, колониальной зависимости последнего от первой; а также в целом между народами различных государств и мировым сообществом.

Полагаем, что взаимоотношение власти и народа через призму пространственно-временных параметров можно рассматривать с точки зрения их проявления и роли в области обеспечения и защиты основных прав и свобод личности, в том числе права на получение своевременной и достоверной информации, права на свободу слова, свободу выбора, свободу передвижения. В рамках той же демократии остаются значимыми своевременные и последовательные действия властных органов по реализации этих прав и свобод.

Положение народа и власти заведомо неравное, так как народ изначально зависит от власти. Следует отметить, что данные взаимоотношения напрямую взаимосвязаны с существующим в обществе